

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УПОТРЕБЛЕНИИ НОВЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Негматова Навруза Нодировна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Пардаева Дилобар

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного
педагогического института*

Аннотация. В статье исследуются динамические процессы, сопровождающие интеграцию новых глагольных заимствований в современную русскую речь. Анализирует механизмы морфологической адаптации, способы словообразования и семантические сдвиги, происходящие при переходе иноязычных лексем в активный лексикон. Особое внимание уделяется конкуренции между заимствованными формами и существующими эквивалентами, а также роли социальных сетей в ускорении лингвистической диффузии.

Ключевые слова: лингвистическая динамика, глагольные заимствования, морфологическая адаптация, неологизмы, семантическая деривация, языковая интерференция.

Abstract. The article examines the dynamic processes accompanying the integration of new verbal borrowings into modern Russian speech. The author analyzes the mechanisms of morphological adaptation, methods of word formation and semantic shifts occurring during the transition of foreign language lexemes into the active lexicon. Particular attention is paid to the competition between borrowed forms and existing equivalents, as well as the role of social networks in accelerating linguistic diffusion.

Keywords: linguistic dynamics, verbal borrowings, morphological adaptation, neologisms, semantic derivation, language interference.

Современный этап развития русского языка характеризуется беспрецедентной интенсивностью лексического обновления, где центральное место занимают глагольные новообразования. Динамика этих процессов обусловлена не только внешними экстралингвистическими факторами, такими как глобализация и цифровизация, но и внутренними потребностями системы в экономии речевых усилий. В отличие от существительных, глагол как часть речи требует более глубокой структурной интеграции, так как он должен вписаться в сложную систему видо-временных отношений, категорий лица и числа. Рассматривая природу современных заимствований, исследователи часто обращаются к концепции «языкового вкуса эпохи». Как отмечал В. Г. Костомаров, язык не

просто пассивно принимает чужое, он переплавляет его в горниле собственной грамматики, превращая «чужое» в «свое» через ироничное или функциональное переосмысление [1, с. 42]. Глаголы типа хейтить, газлайтить или абьюзить демонстрируют поразительную скорость прохождения пути от окказионализма до нормативной единицы жаргона или профессиональной речи. Этот процесс можно сравнить с биологической мимикрией: слово сохраняет иноязычный корень, но мгновенно обрастает русскими суффиксами -и- или -ну-, что позволяет ему спрягаться по классическим образцам второго или первого спряжения.

Механизм морфологической адаптации глаголов в русском языке традиционно считается одним из самых жестких фильтров. Однако современные данные показывают, что система стала более гибкой. Новые глаголы активно вступают в видовые пары. Если раньше процесс создания совершенного вида для заимствованного глагола мог занимать десятилетия, то сегодня пара зумить — позумить или чекиниться — зачекиниться формируется практически одновременно с появлением лексемы в речи. Здесь проявляется то, что лингвисты называют «адаптационным взрывом». Критический взгляд на этот процесс предлагает Л. П. Крысин, указывая, что заимствование глагола часто продиктовано не отсутствием русского эквивалента, а необходимостью терминологической точности или стилистической маркированности [2, с. 88]. Например, глагол менеджерить не является полным синонимом слова управлять; он несет в себе специфический оттенок деятельности в рамках современной корпоративной культуры, подразумевающий определенный набор инструментов и подходов. Заимствование выполняет функцию семантической дифференциации, заполняя лакуны, которые ранее не осознавались как таковые. Интересно рассмотреть художественное отражение этих процессов. В современной прозе часто встречается прием «лексического остранения». Авторы описывают героев, чья речь перегружена англицизмами, не просто для фиксации быта, а для передачи ощущения потери твердой почвы под ногами. Герой может не просто «проверять почту», а «мониторить фидбек», и в этом пересказе смыслов проглядывает глубокое отчуждение человека от живого действия, превращение жизни в последовательность технологических операций. Глагол здесь выступает как маркер механистичности бытия.

Важным аспектом является также деривационный потенциал новых глаголов. Как только заимствование закрепляется в языке, оно становится базой для создания целого семейства слов. От глагола хайповать образуются не только приставочные формы (хайпануть, расхайпить), но и отглагольные существительные, прилагательные и наречия. Это свидетельствует о том, что динамика заимствования не ограничивается простым пополнением словаря, а запускает цепную реакцию внутри словообразовательной системы. «Порча языка», о которой часто говорят консерваторы, на деле является признаком его

жизнеспособности. Если язык способен «переварить» такое количество инородных глаголов, снабдив их своими флексиями, значит, его грамматический строй остается незыблемым и мощным. Страх перед заимствованиями часто основан на непонимании того, что глагол — это «мотор» предложения, и если мотор начинает работать на новом топливе, это лишь увеличивает скорость движения всей системы.

Влияние интернет-коммуникации на этот процесс невозможно переоценить. Социальные сети создают среду, где инновация мгновенно тиражируется. Глаголы, связанные с интерфейсом платформ (лайкать, шернить, фолловить), становятся базовыми элементами коммуникации. Динамика здесь такова, что слово за несколько месяцев проходит путь, на который в XIX веке уходили десятилетия. Это ведет к явлению, которое можно назвать «лексическим сжатием»: сложные описательные конструкции заменяются одним емким глаголом-заимствованием. Вместо «размещать короткие видеоролики в определенном сервисе» мы говорим тиктокать, и смысл понятен всем участникам коммуникации без дополнительных пояснений. Однако в этой стремительности таится и угроза недолговечности. Многие глагольные заимствования оказываются «слова-мизэфемерами». Они ярко вспыхивают в молодежном сленге и исчезают вместе с модой на соответствующую технологию или субкультуру. Лингвистический анализ таких единиц позволяет выявить закономерности «выживания» слов. Успешнее всего приживаются те глаголы, которые обозначают универсальные социальные действия, а не узкотехнические манипуляции. Глагольные заимствования — это не просто внешнее влияние, а сложный акт сотворчества между иностранным источником и принимающей системой. Русский язык демонстрирует высокую степень адаптивности, сохраняя свою морфологическую идентичность даже в условиях массового притока иноязычной лексики.

Глаголы-англицизмы зачастую приносят с собой «скрытую» модель управления. Например, глагол трекать (от англ. To track) в профессиональной среде айтишников или логистов начинает диктовать свои правила сочетаемости, вытесняя более громоздкие конструкции типа «осуществлять мониторинг прохождения этапов». Особый интерес вызывает семантическая диффузия, когда заимствованный глагол начинает расширять свое значение уже на российской почве. Возьмем глагол флексить. Изначально заимствованный из афроамериканского сленга в значении «хвастаться, выставлять напоказ богатство», в русском молодежном дискурсе он трансформировался в обозначение любого активного движения, танца или даже просто состояния эмоционального возбуждения. Это явление подтверждает тезис о том, что заимствование — это не механический перенос, а творческая деконструкция смыслов. В художественном тексте современных социокультурных текстов это

выглядит как создание новой реальности: человек не просто танцует, он «флексит», транслируя окружающим свою уверенность и сопричастность к определенной эстетике потребления, где движение тела становится эквивалентом социального статуса. Критический анализ данной тенденции представлен в работах Н. С. Валгиной, которая указывает на риск «семантической энтропии». По ее мнению, избыточное употребление глаголов с размытым значением (таких как зачекиниться в значении «побывать где-либо» или хейтить в значении «критиковать») приводит к упрощению мыслительных процессов и обеднению синонимического ряда [3, с. 154]. Однако с этой позицией можно поспорить: глагол хейтить не заменяет глагол ненавидеть, он описывает специфическое цифровое действие — публичное выражение неприязни в интернет-пространстве, которое обладает своими правилами и этикетом. Таким образом, происходит не обеднение, а специализация лексикона под нужды новой технологической среды.

Важным динамическим процессом является деноминация и переход глаголов в категорию дискурсивных слов. Глагол погуглить давно перестал означать поиск исключительно в системе Google; он стал синонимом процесса верификации информации в принципе. Глагол-заимствование становится «когнитивным ярлыком», который упаковывает сложный сценарий поведения в одну лексему. Когда мы говорим шипперить, мы подразумеваем целый пласт фанатской культуры, связанный с воображаемыми отношениями персонажей, который невозможно адекватно передать русским глаголом без потери огромного объема культурного контекста. Рассматривая художественные интерпретации этих процессов, можно заметить, как в литературе «пост-интернет» эпохи глагол становится инструментом социальной стратификации. Авторы используют «глагольный англицизм» как лакмусовую бумажку: если герой «фиксит баги» и «деливерит результат», читатель мгновенно считывает его принадлежность к определенному классу — прекариату или цифровой элите. Это пересказ не только действий, но и ценностей: жизнь воспринимается как проект, требующий постоянной оптимизации.

Динамика развития глагольных заимствований также тесно связана с явлением «рефлексивного употребления». Часто носитель языка использует новый глагол в кавычках (метафорических или реальных), демонстрируя ироничное отношение к слову. Однако со временем ирония стирается, кавычки отпадают, и слово становится полноправным элементом речи. Этот путь от «цитатного» употребления к «нормативному» является ключевым индикатором жизнеспособности лексемы. Динамические процессы в области глагольных заимствований отражают общую траекторию развития русского языка в XXI веке: движение к лаконичности, точности в описании технологических процессов и высокой экспрессивности. Несмотря на опасения некоторых критиков, русский язык демонстрирует поразительную способность к самоочищению и

упорядочиванию входящего потока. Те единицы, которые не находят опоры в реальной коммуникативной практике или дублируют уже существующие смыслы без добавления новых нюансов, отсеиваются в течение нескольких лет. Остаются лишь те, что обогащают палитру действий современного человека, позволяя ему более эффективно описывать свою меняющуюся реальность. Таким образом, глагол остается самой живой и чувствительной частью речи, принимающей на себя основной удар языковых перемен и успешно трансформирующей его в энергию развития национальной лингвокультуры.

Список использованной литературы:

1. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — СПб.: Златоуст, 1999. — 320 с.
2. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2003. — 304 с.
4. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Языки славянской культуры, 2008. — 232 с.